

Всё клуб. - 1992 - 3 окт.

Почему Чехов?

Москва полна Чеховым. Международный театральный фестиваль — имени Чехова. Рядом фестиваль российских театров от Владивостока до Пскова — «Играем Чехова». Московские спектакли по Чехову, число которых растет как снежный ком. Раньше такое бывало в дни юбилеев, централизованно и по плану. Сейчас юбилея нет, а новая чеховская волна надвигается, как стихия.

Международный фестиваль был задуман несколько лет назад и тогда же получил имя Чехова. Это не значит, что здесь должны играть только чеховские спектакли, — вовсе нет, программа широка и свободна, но над фестивалем, как символ его и девиз, — образ Чехова. Символ чего, однако? Того, что наш скромный Чехов прописан уже во всем мире, освоен, даже присвоен в множестве стран как собственный автор — английский, немецкий, японский? Думается, не только, хотя так радостна эта «всемирность», путь к которой был нескоро и непросто.

Мое поколение узнавало

можно увидеть в множестве вариантов: от камерного, домашнего, интимного, словно мы в гостях у сестер Prozоровых или Раневской, до буйных фантазий на чеховские темы, шумных и зрелищных; от тонкого «кружева» до гротеска. Все это воочию, разом увидим на октябрьских фестивалях.

Было бы неверно, впрочем, думать, будто Чехов сегодня нужен театру только как повод для различных исканий, хотя — прав П. Штайн — он всегда несет с собой «провокацию, вызов», побуждает к вечному обновлению. Но есть нечто, присущее Чехову, что более всего тянет к себе самых разных людей. «Нечто» — в самой личности свободного художника и человека, который определил свою судьбу прижизненно и посмертно.

В Чехове видят опору в жестоком и изменчивом мире — В. Розов так и назвал его: «духовная моя опора». Видят в его пьесах вечные

Чехова-драматурга по отблескам старых спектаклей МХАТа и легендам о них, о «золотом веке» чеховского театра. Потом, в послевоенные годы, что-то произошло, монополия власти МХАТа ослабла, и в пору своего столетия Чехов будто вырвался на простор. Мы много нового тогда узнали о нем. Прежде он казался художником мирных будней, исторического затишья, и послереволюционное время отторгло его. Теперь обнаружился мощный заряд духовного сопротивления, заложенный в нем, и Чехов стал необходим в эпохи бурь и потрясений, которыми так богата вторая половина нашего века. Век шел к финалу, и все более ярко и четко проступало то, что на пороге его было заложено Чеховым.

Отныне Чехов принадлежал всем, в какой бы стране ни жил художник, в каком бы стиле ни работал. Современный театр Чехова создавался усилиями Б. Бабочкина и Г. Товстоногова, А. Эфроса и О. Ефремова, А. Шапира и Э. Некрошюса, П. Брука и Д. Стрелера, и гостей нынешнего фестиваля — О. Крейчи и П. Штайна; список занял бы всю статью. Этот театр ни в одну формулу не уложишь. Чехова ставят в «академиях» и в студийных подвалах, на драматической и балетной сцене, в эфире и на экране. Каждую пьесу

вопросы жизни, на которые нет ответа, но не ставить их мы не можем — и О. Крейча вместе с Чеховым долгие годы занят «поисками несуществующих ответов». Ищут урок человечности, бесстрашной, лишенной иллюзий, но непреклонной и обращенной ко всем, умеющей в каждом, в любом человеке вскрыть целый мир. А, помимо всего, Чехов, признанный поэтом одиночества, владеет редким свойством объединять людей — в театральные «семьи», сообщества, фестивали, в чем мы опять-таки можем убедиться теперь.

Но Чехов сложен; ни его самого, ни мир его пьес не постичь разом, и образ его, как кристалл, поворачивается разными гранями. Великий печальник, насмешник, нежный лирик, трезвый диагност, мудрец, жизнелюб — таким он поочередно казался в разные времена, по мере знакомства с ним, приближения к нему. Частичку нового знания приносила с собой каждая чеховская волна — а их сменилось немало, и сейчас набегаем еще одна. Чем вызвана она, что несет с собой, — предстоит увидеть, понять, разгадывая при помощи Чехова также и себя, свое время.

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА.

На снимке: сцена из спектакля «Дядя Ваня» МХАТа в постановке Олега Ефремова (премьера 1985 года).